

Дмитрий Бак

Дальний Орфей

Дмитрий Бак

Дальний Орфей

Москва

«Воймега»

2018

УДК 821.161.1-1 Бак
ББК 84 (2Рос=Рус)6-5
Б19

Д. Бак

Б19 Дальний Орфей / Дмитрий Бак. – М.: Воймега, 2018. – 80 с.

ISBN 978-5-6040915-5-5

ISBN 978-5-6040915-5-5

© Д. Бак, текст; 2018
© «Воймега»; 2018

Вышел другим
(2012–2013)

* * *

*не томи меня злая музыка
тебя слышали сотни до
и во время и после ужаса
испытавших сомнение что
удивляет не только собранным
воедино крупным дождём
но и лунным зеркальным золотом
на повторах таком крутом
повороте из-под невидимых
полутёмных кому-то лет
что ни тоники и ни ритмики
на поверку вернее нет*

боже вот счастье-то здесь со мною
пусть невпазд вперемежку снегом
белым и серым под небом следом
тысячеустым пустым покоем

это со мною бывало будет
прямо до тех потёмных пределов
где поувидит не ты рассудит
кто-нибудь нас из упругих белых

ангельских сил из небесных ножен
бережно выхваченным оружием
что и со мною случилось тоже
и никакой тут урок не нужен

* * *

для О. С.

Есть ли тут какая драма
или просто наугад
зыбкой верую Адама
промолчу вперёд-назад?

Не отступишь, не изменишь
ни на йоту этот звон,
он в одно из воскресений
зазвонит со всех сторон;
но на этот раз вчерашний
ты уволь меня, молю, —
можно позже, можно раньше
выйти в небо кораблю.

Если тут такая драма —
режь последний огурец,
как немой глашатай спама,
бей по центру, под обрез:
точно в яблочко ложится
пуля, семя, месяц, год;
пробуждает голос лица,
горем горек, бурей горд.

Под надкрыльями стальными
самолётный гул цикад,
в небо манят расписные
кружевные облака;
знаю, гром гореть не станет,
если тут и там, и там
из-под всех резных ристалищ
просыпается судьба.

Морок зыбкий, город бледный
сокрушит свои дворы,
дарит врозь родные стены
для игры в тартарары;
есть тут что-то от Верлена —
от винта и есть контакт!
Поздний Рим, немая сцена:
гроздью ангелы летят.

Клейкие листочки

Обременительных обнов
так полон сад, и то подобье
садов пустых, что в изголовье
среди затверженных стихов

летит сквозь утренний покров,
как облако пустое, —
летом
окажется,
не в глаз, а в бровь,
но ты не поминай об этом.

Храни скупую наготу
январских яблонь: вот разгадка
цветенья первого украдкой
и роста листьев на лету.

Добыча суеты — цветы
ионизируют пространство
дня на два, на три, — что ж стараться
нарадоваться до звезды?

Соединение пустот
и полноты — дарует чувство,
что здесь кончаются искусство,
судьба и почва, цвет и плод.

По голым веткам налегке
гадать — удел несмел, нетруден;
осталось только это — судя
по сетке линий на руке.

* * *

князь по полю едет и душу раскрыл
на первой попавшейся ноте
точить ножи-ножницы и топоры
по самой изысканной моде
готовы волхвы не бояться владык
что сбудется нынче с тобою
святых выноси и вносили святых
живую поили водою
и мёртвой водою спустя рукава
кропили и плыли по силе
иные далече иные раз-два
и спят в разливанной могиле
легка широка дорогая река
войди в неё дважды и трижды
на берег не выберешься пока
не выдернут ногти вот вишь ты
восстань жги сердца в цареградской броне
но вырви язык и крамолу
как истина не ночевала в вине
так горние ангелы долу
с похмельного сна нипочём не слетят
от корки до после не стоит
тревожить расчётов створоженный яд
дорогою в ад бороздою
так слово и дело сомкнулись впритык
что узки врата дальнобоя
прицел недалёт и прощальный кирдык
летит над родимой землёю

* * *

для Н. Д.

Так привычно немеет тело —
скоро, скоро наступит лето:
умирать не такое дело,
чтобы думать сейчас про это;

просто стойкое онеменение,
ведь и крови анализ страшен,
коль иглою нащупать вену
удаётся сестре не сразу.

Пой, сестра моя, добрых песен
не забыть, как цветочный запах,
прочно въевшийся в поднебесье,
куда путь не на мягких лапах.

Всё темнее — не разогнуться,
всё теплей до рассвета в окна
бьёт волною твоя таруса
от плотина, но не до прокла;

так сказала вдова героя
(или мага — кто как приемлет):
смерть не зла, любопытна, — двое
с нею нас;
на любые земли

любознительно налегаем,
вот как будто бы этим самым
маем ранним, что несгораем,
точно лист купины с осанной.

* * *

Лето взлетевшее будит мгновенно,
от ожидания уводит, что так
неодолимо, как стихотворенье
новое, злое стрелою с моста –

вниз! Где же видано так ошибаться?
но, знамо дело, не знаешь, где звон,
где отречёшься от света три раза
и просвистишь до исхода времён;

вот и прозрачного неба гуденье:
боинг ли? ангелов горний полёт?
Нет, ничего не узнаем у тени,
кто там, кто-кто в теремочке живёт;

чуть голубеющий медленный свиток
не развернуть до прихода часов,
свитых в кольцо и едва уловимо
бьющих минутной волною в лицо.

2 июня 2012

Москва – Нью-Йорк

* * *

Мне нравятся твои колодцы,
о ты, явивший небеса,
артезианские колоссы,
ввысь обращённые глаза;

из обустроенного быта
к тебе стократно возвожу
взор недотёпы следопыта,
просящего не горний шум,

но дословесного прибытка
тускнеющую простоту –
отчётливого, как открытка,
глагола свыше на лету:

от подмосковных откровений
до отдалённых январей
былое дышится мгновенней,
родное сыщется ровней.

Смерть Вальтера Б.

в предсонье завтрашнего не могу
полшага в сторону и как ластик
автоматически сквозь строку
пунктиром в паузу смят ужастик

полусомненье от слов до слов
что так и будет да будет так и
иначе снова тугим узлом
завяжет ветер резные знаки

последних сил и смотрящих впрок
за снежный день до конца осады
урок сверкающий за зарок
глаз принимающих зренье рядом

* * *

в реальность иную наука и жизнь
и техника молодёжи
кружись моя куколка бейся кружись
работница тоже

теперь не надышишься с этих вершин
спутившись в долину
из наших заснеженных палестин
да в жёлтую глину

люминесцентное пламя горит
за синим экраном
ну где же мои октябри ноябри
за ладаном данным

в условии задачи где также даны
уверие в прочность
льваяшина и в промфинплана страны
конечную точность

и рифмы просты непременно зимы
подарок под ёлкой
раз в год а в другой развгоду решены
и сборы недолги

прилёт недалёкий пятьсот эскимо
достанет до неба
пустой автожир не покажет кино
иное с разбега

журнал за рулём и как будто бы в нём
живём из последних
затраченных на повторенье имён
сил скудных рассветных

Черновцы. Игра в десятки

заповедная разность контрастов
заповеданная назубок
этой прописи косность и ясность
сохранённая вдоль поперёк

неумение верности страшной
даже то что болит навсегда
вытесняется временем влажным
когда вдруг да спасёт красота

вокруг боли и доли поспешной
от себя не крутить виражи
бесполезно на лёд конькобежный
если хочешь на палец вяжи

потому что я с юга с востока
крайний совестный суд назавжди
кто сказал что цветёт одиноко
соцветенье беды-лебеды

во дворе вырос каждый квадратик
в десять раз и десятки верней
превращаются в день полосатый
мелом белым на серой стене

* * *

Найти охотника...

С. Г.

сюжет охотника уйти пока цела
цитата из поэта как из детства
подсмотренного им этцетера
что там ещё бывает у младенца

подросшего но прежним голосам
хоть изредка внимающего жадно
на гобелене старом не тот са-
мый но охотник страшный ладный

то я себя как мальчика стыдил
то заставлял не повторять без счёта
шесть пять четыре три и два один
под одеялом виденное что-то

похожее на мамину игру
заснёшь и утром солнце будет в окнах
как в витражах библиотечных рун
застыл пылинок строй и ночь оглохла

когда заветный выстрел прогремел
и пал олень и актеон умылся
младую кровью цветоносил мел
в стихах ивана жданова от пирса

тяжёлым дном дредноут отвалил
и сном забытым строки знал до срока
и этот ребус из последних сил
гадал и строил спешно одиноко

Благовещенье

I

Т. С.

Тебя, не померкнув, отметило слово,
что раньше всех сил, у начала в горсти,
толпилось, не вымолвлено, — простого,
как ветер, вздоха не в силах снести;

прости, не поспею за этим, навечно
застывшим в воздухе с гор до пят,
ничейным шёпотом, бывшим речью
и ставшим вещью в себе; тебя

поряд узаконившим, — долгим эхом,
по слуху звук подобранным к снам
о том, что дитя у царских в веке
сегодняшнем снова придёт назад;

опять с проступающим половодьем
несолоно справлюсь, а впереди
младенец плещет, как пароходик, —
приходит милостыней на пути.

13 августа 2012

Таруса

II

Марии С.

так я привык что в соседней всегда
комнате между белейшим и белым
дремлющий всхлип вызывает туда
в миг полусонный тебя непременно
я провожаю глазами – беда? –
в сумрак соседний где нежное чудо
спит-просыпается чадо вода
льётся в пластмассовую посуду
кто там живёт золотым огоньком
глазки протрёт и под тёплой рукою
ласковой крепкой твоею легко
снова взлетит над ночью землёю
тихо раздвинет пределы равнин
дальних времён ни меня ни тебя ни
даже дыхания нашего дни
не сохранят за горами-годами
вольной душою лети шаровой
молнией между печалей подобна
слышу шаги осторожные словно
издалека мировой заревой
гул приближается вечный который
каждую ночь из-под век узнаю
в небе парящей Шотландии в пору
медленный шёпот в молочном краю

20 сентября 2013

Amsterdam – Edinburgh

III

Как сладко дремлет сад тёмно-зелёный...

Ф. Т.

...дита, я знал — такую будешь;
когда другой кидается в слова,
то думаешь — ничем не образумишь
сусальных снов, — измучившись, едва
дослушаешь: как это близко
к душе подходит, будто бы прибой
растёт, и до последней капли риска
душить в углу историей простой:
расспросы об успехах, шёпот, скорых
шагов нетвёрдых топот мелкий тот,
что с мерно нарастающим укором
заполнит скоро синий небосвод;
мы, словно сообщающийся космос,
эфиром тонким залиты до дна:
я не один, но уменьшаюсь в косном
венце творения, ты — не одна,
и, красного смещения галактик
изведав на себе же пополам,
растёшь и гасишь звёзды, точно ластик
стирает с дней мгновенный мармелад;
успеть до равновесия отмерить
тебе свои слова об этом — том,
что тихо сад тёмно-зелёный дремлет
и смерть роится в хаосе ночном.

* * *

как прежде на их языке на своём языке
их бин разлучён словно биноклярное зренье
с прямой перспективой сойдутся ли точки брежет
обед прозвонит или смерть обнаружит в последний
единственный раз мимо коего не пролететь
ни белым дождём громыхавшим в далёком предместье
которое городом было как розовый цвет
ночного но летнего неба слепого до рези
тогда я легко перемахивал в скованный сад
меня ожидавший черешней и грушей в подковах
счастливого сна немосковского сорта отрад
простых и понятных хотя до поры незнакомых
и после поры и задолго до новых основ
гроза громыхавшая света погасшего свечка
по сердцу притихшему небу гулять бороздой
тогда и теперь на один оборот и навечно

И. Л. Л.

I

у тебя всё Бог да быт
вот опять же быт да Бог
хорошо в загоне быть
если есть в почёте прок

а ещё седой родной
ангел найденный в саду
неживым ночной порой
как судилось на роду

да к тому ж бездомный хлеб
дым бакинского огня
застилающий ковчег
где по паре твари дня

незакатного за той
непереходимой для
тех кто жив простой чертой
под которой и земля

тяжела и лёгок сон
и простителен ночлег
на ступенях храма в дом
превращающего снег

не ко времени войди
в волны светлого сия-
нья что ты несёшь в груди
на пороге бытия

нераскаянных потерь
встреч нечаянных простор
вот и я с тобой теперь
еле слышный разговор

заведу и слышу шум
звон и стон хотя туда
и оттуда не спешу
до тех пор пока беда

не придёт из-под колёс
повернувшихся не в срок
ты услышишь ты поймёшь
между нами быт да Бог

II

не понять своих же слов мыслей боли
ну доколе этому длиться что ли
не верить что верил в неверие во сто вер
когда римом мерил мир что твой землемер
до ре ми фа соль ля си порази
аз есмь они суть досыта ты еси
балаболка белая злодейка зима
на апрель взгромоздившаяся горем ума
от сорочьих фей до косых лучей
солнечнолучших лёгких не наступивших дней
молодое пришествие не проснуть
из ладоней скажешь тебе плесну
кап-кап-кап забулькает капремонт
пыль бетон и звон да со всех сторон
тут и рог избылья сумой пустой
под стрелой и грузом впотьмах не стой

не проси нежданного у тех
кто и дал бы да вот не даёт на всех
а утех у тех попроси как у
них просила инна и всё в строку
записала в столбик лиснянский свой
полотняный ветреный и льняной

* * *

если б не умирали
было бы по-другому
каждая точка с краю
к аду маршрут искомый
дно не одна угроза
медленный звук о том же
что остаётся после
скучно и грустно боже
руку подать в минуту
сумрака поневоле
кто-то сказал кому-то
что-то чего ж вам боле

* * *

чем больше дано тем страшнее будет расстаться
но расставанье устроено постепенно
то свет отключат то звук то грехи то святцы
поочерёдно и ночью денно

полощет листья робкий июньский ветер
совсем как тот что в двадцать шестую школу
за три угла гнал велосипед на свете
нет ничего яснее чем эта тора

недетский сон пятикнижие до сомнений
которых впору на исповедь хватит с лишком
нет веры не в жизнь но и в то что верил
не верится словно бы слов не слышу

и пробиваются исподволь сквозь завесу
словес иных полувещих зовы
на всех не достать хлебов и молитвы лезут
на ум нестойкий — чужие и голос новый

звучит протяжно и расставанье в звоне
не знал где он но сказать до сих пор не в силах
что в этом гомоне я распознал и понял
как леонид у выхода в фермопилы

* * *

твёрдый как смерть июнь
вслед за размякшим маем
плавно отплыл на юг
к западу отвеваем
будто бы злой на вкус
и ошавший в корне
первый ранний арбуз
розовый бледный горний

* * *

Допустим, как поэт я не умру...
Г. И.

Что сделал в мире этот имярек
внутри своих неведомых раздумий?
Ты скажешь, жил на свете человек —
жил-жил, ну и однажды умер;

уверенно бравируешь игрой
покатых фраз, не переживших вести,
что все в свой час уйдём в просвет иной
и в каждом часе есть *того* предвестье.

Хоть жив ещё для здешнего огня,
промытого предошущеньем этим, —
ни утешать, ни радовать меня
не могут схоластические сети

о различеньях будущего и
того, что не подьмет тела больше,
допустим, как поэт ты не умри,
зато как человек изволь, изволь же...

* * *

наезжают каёмочками друг на друга
ликованье отчаяние и протест
диаграммой пёстрою сбилась с круга
суета посадочных мест

то ли яблоку некуда на трибуне
то ли нет на бульварах зги
то ли ленин в польше потеет втуне
осыпаются белые лепестки

отставанье лет на сто не застит с краю
ни кровавых слёз ни победных роз
день подбитой россии опустошает
ум-честь-совесть лавина ddos

мне ворюга милее чем кровопийца
даже если способен огонь открыть
и окно за которым не речка битца
ставки смертной последней прить

* * *

для М. А.

жаль умерших погибшее зренье
меркнет зрение сила моя
незабытое стихотворенье
и всезнающее как змея

как увидеть дневные обновы
без оков чужеродных зениц
смотришь в стороны разные кто вы
тени гибкие павшие вниз

мимо взгляда мгновенного пулей
нарезную поверхность ствола
охвативший дымящийся улей
по дуге от угла до угла

и какая расплата за это
не своё но прицельное со-
поставимое с верным ответом
прозорливое солнца кольцо

предназначена мутной зимою
по диаметру от солнцесто-
яния расположенной мглою
кроет буря полнеба крестом

полон воздух июльской денницы
ключевыми лучами зарниц
это взоры ушедших сторицей
возвращают бозоны от лиц

просветлевших от этих красок
от таких же горевших тогда
обжигающим иконостасом
горе нет не беда не беда

Zauberberg

за один оборот успевает смениться погода
не ко времени книга о времени сна в руках
ещё длится июль ещё держится словно полгода
будет только июль где-то глину трясут в коробах

только пик вдалеке поминает о братьях уместных
для помина как снимок прозрачная сущность её
карандаш попросившей назад и ещё до болезни
накануне прозренья что́ острое жало споёт

после всех грамматических мерных напрасных усилий
протянулось до времени бремя волшебной горы
и лежал я в траве и последние медные зимы
до поры позабыты как прошлые эти пиры

домонбланово сердце как ты про меня колотилось
и кузнечик как сторож стоял перед нею в поклон
зашифрована вязь этих скал отдалённые силы
веско связаны воском горячечным солнечным льдом

20 июля 2012

Москва – Женева

* * *

Не пройдёт ни вкось ни вкривь ответ:
нет ошибки сверху или снизу –
там ведь Кушнер щурится на свет
сквозь дwoяковогнутую линзу

и такое видеть порешит!..
Только по дуге стрелой по краю
ладно скроен гладью снег и сшит
вдоль по тесной линии сознанья;

не сойтись до точки естеству,
однова живём! Однажды в пору
нестудёных дней всплесну плотву,
снова не поверю разговору

о спокойной оптике крыла,
взглядом огибающего тёмный
столп александрийский – вполчела
царственного – нет, не рукотворный...

* * *

не сравнить тебя с другими
длинами да спектрами
сколько волны ни ходили
нотами неспетыми
сколько очи ни видали
неземных окрестностей
ты всё тут не за годами
чёткости да резкости
в этом кадре ровно столько
чтоб усвоить в даль идти
что-то был я стал нестойкий
на заветной паперти

* * *

Лиловая в Крыму и белая в Париже...
А. Т.

И плач, ужаленный в слезу,
умолкнет, вслед переместивши
за прошлым прошлое, где тише
воды трава и ниже суд;

грозу на жёрдочке грызут —
едва белее, чем в Париже,
ты вот какая — ты же, ты же
такая же, как на весу

была, когда ему была,
ты так была ему подвидна,
послышна и металловидно
сверкала вплавь из-за угла;

и этот сверк тогда и тут
весь так незыблем и давиден,
что голиафовы постыдни,
гляди, — на блюдечке несут.

* * *

С. Ю.

Кто кем кому когда? в который
раз переспрашиваю я...
Лоб морщит, вспоминает скоро
и ночью трели соловья,

и вдохновенные искусства,
свобода, слава и любовь,
и поливановы их чувства,
тугая шпетовская кровь

безвинно пролиты, и в масть бы
попасть в скрещении путей:
нас развратило самовластье,
и дети прожитых детей

скалообразны и несломны,
но сквозь родства бездумный лес
лесок тарусовой колонны
не повторял моих чудес;

ту ясность яворовых вёсен
генеалогии земной
мы невпазд с собою носим,
но произносим сам не свой,

когда у княжеских фамилий
и графской сумрачной родни
монографические ливни
по графам в ГАРФе суждены,

неклюдовы толсты́е в небе,
надлибединские умы
кружат,
а урки на пригреве
шаламовские помнят сны.

* * *

И. М.

слишком много я
слишком знаю
чего мною и не бывает
вот говорю здесь а там убывает
губывает глазает и лаает

ворох лиц историй куда там
ктокому позаглядывал в свечку
загорелась в подпамяти вечность
в трёхсекундном броске брат на брата

незадача не видеть своё же
к очевидному очи не пялить
не магнитом меня но манит
боже многоочитый тоже

игорь эм
                  не любое слово
не с любым же поставить рядом
допустимо высоким ладом
так чтоб были горды за оба

мне же здесь без тебя нет сладу
солона вода из предместий
вмоготу ли не куролесить
воеводой от од до ада

проведут невзирая боли
многое переменив тобою
из-за неба что голубое
позовёшь до себя тропюю

* * *

внук сапожника и землемера...

сразу в яблочко разночинным
бессапожным юлой свистать
не хотелось бы но причина
необъятна была звезда

высока и прозрачна это
центробежных порывов бег
на задворках волчьего века
человек на рассвете в снег

на равнине убитой в плоскость
и значительность каждого бед
прозревая уронит слово
след теряется следа нет

* * *

Сей стихотворец не в силах услышать друг друга,
слишком по-питерски всё принимает всерьёз,
дороговизну на бедность меняет упруго,
словно как нить по канве вышивает невроз;

знать, чересчур неприкаянно нжутся сроки
всех обещаний последних умы и суммы,
не зарекаются оных щедрот на пороге
каменных дней новоявленные карамзины;

долго не держим на мушке сиротское имя,
и не князьвяземские графы толстые сильны...
Только бароныантоны святое унынье
перезовут меж перстами, местами равны,

но между мест перемётных не видно вигилий,
только рифмованных дел не пришёлся прицел,
скупое завещанное влёт, стихотворцы другие
в яблочко целят с улыбкой на верном лице.

* * *

Адов скрежет зарёю корёжит туман,
за пузырчатым сном ариаднина нить;
и тогда еле слышно присвистнул фома:
то, что больше не держит, — не соединить.

Знаешь, что́ коченеющий мелхиседек,
в предпоследний прощаясь с рассветною тьмой,
завещал? На ногах не стоит человек,
ветер роет волну, серный дух за кормой.

Если весь вавилонский неброский словарь
(даже крайнюю ижицу!) взять на просвет —
слитный гул перекроет, чем пропись жива,
Фет напомним: прискорбно, но страшного нет.

Понимаешь чем свет, что́ сгущается вдоль
застеклённых изгибов, как злые пески, —
то — торопится, сыплется мелкой бедой
захлебнувшийся вдох и не слышно ни зги.

* * *

Вышел другим из лёгкого метро,
сколько месяцев не опускался вниз,
всю дорогу мешал чужой сидиром —
слушать не слушал, но слышал визг
в ушах соседа по лавке, пунцовых,
стыдных, немых, как накануне тьмы;
из прищуренных глаз вылетали совы
на расстояние от алматы и до астаны;
делал вид, что читал, а по правде — думал,
думал думу, чистую, как речное стекло,
и навыворот весь спросонок угрюмо
расплескал на склоне бутовской ветки. Алло!
Там на метле летели следом проверки
радиосплетен, чтобы меня спасти...
Ключ от белой машины, как грач на ветке,
даром на пальце крутился вокруг оси.
Каждая тварь свою проживает морось,
хабитус, свойственный ей одной;
рыбы эфирные пасть разевали морщась,
без эскалатора вышел на связь с зимой;
в лёгком метро не жди витков — не коперник!
Надо же было так, чтобы всё понять:
вывеска бара с *ерами* — в слове вёрный
для простоты на *e* заменяет *ять*.

* * *

вот казалось кажется навсегда
а оказалось только казалось
не принесёт никакого вреда
всё нестрашное там осталось
где ещё оставалось всё в чистоте
да такой прозрачной что знали те
кто следили взгляды мои навскидку
на сирень за окном отвечавшей да
на любой вопрос на попытку пыткой

там что знали то знали а что и не
понимали так это же в тишине
и видно было что на года
впереди нависла стекла звезда
когда в энном выпуске «Погоди!»
8+ гиппократу не навреди

Зарницы

Для О. Ч.

В июле так невнятна ночь:
на серых снах чернеют пятна
такой предельной тьмы, что прочь
их отгони — и всё понятно

тебе покажется, пунктир
сойдётся в линию, и в точку
соединятся мирь и мирь —
один длинней, другой короче;

безмерный путь, короткий путь,
что позади —
июльский проблеск;
так две зари спешат заснуть
и разбудить, как луч, сквозь прорезь,

так и непрожитое —
так
неизмеримо и мгновенно,
что вязью мелкой режут мрак
судьбы артерии и вены.

Иосиф

Предание ответит за базар,
план выраженья тише акварели,
что именно — неважно, но слеза
воздаст за все грехи по этой вере;

где из травы выглядывает Бог —
из-под ночной звезды струится немочь,
но в помощь мог узреть единорог
картину краше всех подлунных зрелищ.

Минуя оживляемые дни,
прочертит воздух-вечер путь уснувших,
но ставших духом; где теперь они —
пребудет и язык и взор всяк сущий.

Чужое бормотание дождей,
когда до осени всего полчуда.

Насколько чудо *полное* слышней —
настолько ожидание нетрудно.

Воздушный бой (2014–2015)

Молитва

Что делать нам с убитостью равнин...
О. М.

дотоле пока этой музыки ночь
доступна в квадрате девайса
покамест из сора растёт всё равно
немая оскомина вальса

готовиться к самым последних минут
отчаянью и ледоходу
хоть в житницы не собирают не жнут
не шьёт утешенья природа

за самую малую долю равнин
убитых до первого взгляда
возьми моё зрение вплавь и верни
Себе
и другого не надо

Тильзит

I

грех уныния вплавь распахнут
в половодье крещенского льна
волокнистая сеть арахны
застит соль полвторого сна

и какие теперь пределы
предназначены в оборот
окружным поворотам белым
в этот трижды ноль пятый год?

гаснут видеоочи с ними
загорается аудиотишь
обнаруживаешь бессильно
у ночного окна стоишь

вихревою густой воронкой
не вытягиваясь в длину
все предметы темнеют звонко
тьмою светят у тьмы в плену

II

Совпадает в кои-то веки
омерзение на корню
к этой немощи вод заветных
и к тяжёлому кораблю.

Если кругом простых событий
окольцован по краю сна,
прозревает слепой и гибнет
оживающий допоздна —

отольются мужские слёзы
в каменеющие столбы
соляные, в сугробы поздних,
вечных если бы да кабы.

Сколь ни тешь по теченью плавать,
что по шерсти ладонь скользит, —
эти путанные забавы
возымеют вблизи Тильзит.

То типун тебе, то питон так
кольца тесные на крови
гадом давленным стиснет тонко,
что покажется мало и

вспыхнет белым несмелым светом
белокаменная тюрьма,
в темноте первозданным летом,
обнажая свои дома,

содрогнётся в последнем гуле
созревающая метель —
что в аукнувшемся ауле,
что в откликнувшейся беде,

в межреберье страны неспящих,
в изворотах истёкших рек
всех скорбящих, а наипаче —
на ногах не стоит человек

и не сто́ит ни полполушки;
ни погоста не выбрать в срок:
совпадают со смертью души,
как ни знай только свой шесток.

* * *

И. С. Т.

красивые пестовы строго
не чуя морщинистых щёк
предуведомленья до срока
пускаются в точный расчёт

уединение с верхом
накроет упрямый притин
где солнце одно с человеком
и он перед солнцем один

прости что постылой натуги
не вынести пуще поста
за эти холодные руки
чем только душа нечиста

нетронутой нежную завязь
оставит холодный расчёт
и только постылая зависть
по кровле дождями стечёт

и только недолгие взоры
позволят уйти в небеса
росткам невесомой ризомы
что прежде слепила глаза

* * *

двух станов не но в каждом сила
неотличимая от сна
и тем она невыносима
что на пиру и медь красна

чума на оба наши дома
судья третейский так речист
что спор славян приёма-лома
от сытой нечисти нечист

на перекрёстке трёх четвёртым
в сторонку нет не отойти
и от пяти дорог до мёртвых
шести разъехались пути

по сторонам светлей лазури
так чуден мир при ясной но
погода скоро грянет дури
неостановленной кино

многосерийного распада
разлада мутного смола
як стрийко з вуйком брат на брата
повстане вранішня імла

де-де вже чути як додолу
хто греблі рве та завива
з усіх усюд криваві бджоли
садок вишневий талібан

забанити негайно зайвих
відфрендити і ворогів
на все небесній чоті стане
передсмертельної снаги

авжеж вогні досвітні бачив
той хто у скелі по холмам
грохочут пушки не иначе
и дым багровый к небесам

восходит де широкополі
дніпро і кручі и кавказ
паучья глухота неволи
смотри ты зришь в последний раз

це дивний сон переді мною
глуха та дика площина
целуясь с матерью-землєю
в столицах шум гремит сенат

и сам не рад пшеницю жала
аби ви знали паничі
в бою до острого кинжала
свой бисер мелкий не мечи

6 апреля 2014

Выпуски новостей

I

...и штиль не более минуты –
органный штифт, киборда стук:
переключаемы *оттуда*
кастальский свет и адов звук;

невыносимых песнопений
надрывный клёкот, лягз и стон –
видений столп в закатной пене
в тени радений пробуждён;

бесповоротные душевно,
в сверлящей зреют вышине
околунные вращенья
свечою, ввинченной вовне;

визг без надежды и утраты –
нас всех подстерегает не
упрямый случай, но крылатый
закон внутри небес к войне;

и до последнего незримо
до боли ясные слова:
где вавилонская судьбина,
там смертноносная молва.

II

В тени летящих наблюдений,
в глазах чудовищ расписных
живёт последний смертный гений
во глубине своих двоих;

угрюмо скошенный до точки
усилий тёмных вековых
взгляд, исчезающий и тощий,
разит чужих и неродных,

и до последнего распада
скользит, слепительно легка,
игла отточенного ада,
врага командная строка.

15 июня 2014

История литературы

I

Стихотворения шестидесятых:
каждое переводимо в тезис,
имеет тему, как «Дзяды»,
составляет с прочтением катехизис:

вот вам про метод поэта мощный,
это — про светлые перспективы
и о густеющей летней ночи,
прячущей лица, как негативы;

точные отзывы, тонкий отклик:
на метод — верной идём дорогой!
на перспективы — остратка рохлям,
на ночь — давай потихонечку трогай!

II

Я вас любил, и ещё, быть может,
нет, не угасла она совсем, но
нет этих слов на душе и — горше —
нет их в дозволенной, околосемной,

переводимой в стихи орбите;
скорби — долой! О последних муках
вы мне, товарищи, не твердите
и не шепчите в сердцах под утро,

даже не думайте о забытом
страхе, упрёках и прочем вздоре,
если заказ социальный выдан —
на всех кораблях, ушедших в море,

крестик поставьте — и, что осталось
в круге молитв, разрешённых свыше, —
не расплечите чужую радость,
коли своя ни на миг не ближе...

III

Что ж ты заводишь песню военну,
егда не помнишь пустые гранки?
бой или пир убиенных пленных,
тризну на скатерти-самобранке?

Не одолеть оборот скрипучий,
и неуклюжее злое пенье
ветер несёт — и не скажешь лучше,
чем в недосмотренном сновиденье;

честное слово бывает разным,
даже заранее недвижильным:
сводит суставы и рифмы, сразу
втрое усиливает пружины.

IV

Круто замешены ложь и лихо,
узел дозволенного — нетяжек,
если и слуцкого талалихин
тронет тараном, как медью, свяжет

где-то недвижимое оружие,
мирное по кадастровой схеме, –
новую сказочную сослужит
службу зенитных подразделений

в воздухе мирный советский трактор:
в теме ущерб или чёрный ящик
криком летит, подбоченясь как-то
боком вперёд; турбулентность спрячет,

кто виноват – что белее газа
глаз, замерзающий от досады?
Плащ маскировочный фортинбраса –
чёрный стих две тыщи десятых.

* * *

междунебесный прикровенный ад
звезда и мгла согласно говорят
доколе выше он главою непокорной
поник невольник чести проливной
заливистой печали напускной
нерукотворной сорной однотомной
немногословной слаженной чумы
на оба дома вдоволь *вы* и *мы*
но кто отметит любопытным вечность?
дар есть и если весь и град умрут –
тростник прибрежный гаснет на ветру
как райский сад в ночи остроконечной

3 ноября 2014

* * *

С номером нового мира в кафе
вблизи художественного театра
проза покажется ясной, молве
наперекор повернувшей обратно;

ход потеплевших крещенских затей
острой спиралью насквозь мимо денег,
плаченных точно по счёту, теперь
не разглядеть из-под поздних радений;

и на проруху капли больной
белая соль твоего карантина
перевёрнется, вернётся косою
бледной линейкой в тетрадке пустынной.

* * *

СВВ

Дольше вечернего света
перед полночью наливной
пировала тогда победа,
круг одерживая дугой;

затаённые перемолвки —
ну почти не совсем не я
неизвестно какого толку
добивался от бытия,

и поэтому так же долги,
хоть и редки, как корабли,
эти вечные перетолки
от земли в небо до земли:

не говорено было, стало,
и уже не сказать теперь,
восхищение или кара,
юс ли малый есть буки ерь...

Маргиналии

I

Последние секунды
от случая влекут,
кузнечик твердогрудый
согнул строку в дугу,

а жизнь, гляди, не гнётся,
не сломится на две
и навзничь у колодца
не падает, себе

стоит на перекрёстке
и плачет, как пришлось,
скрывая, что и тёзки,
бывает, смотрят врозь.

*Нахзац: Слуцкий Б. Работа. М.: Сов. писатель, 1964.
Ред. Фогельсон. Осуждение БЛП.*

II

интуитивно белый
долгий как самолёт
с окликом кто вы где вы
на высоте живёт

голос неисполнимый
людви́г или платон

сорок восьмого рима
звон малиновый до

после во время сразу
и через две стены
побереги от сглаза
пуще любой цены

если из этих полных
полузабытых слов
дебрей единокровных
вылетит сто пудов

только однажды солью
мелкой и навсегда
сорок чужих историй
нет что ли то ли да

Нахзац: Улицкая Л. Лестница Якова. М.: РЕШ, 2015.

III

висим на высоте где не доказан
полёт перемещение и пыл
долати простір что и есть и был
не миновал цілющий засіб сказу

учение без ропота опор
без скованной судьбы осоловелой
висит как неизбежный невермор
над словом чёрным жёлтым серым белым

реальность не реальнее чем тень
отброшенная в сторону паденья
возможного луча назад к звезде
летающего без тени сожаленья

3 сентября 2015

Дальний Восток

Форзац: Двухязычный Рильке. Перевод В. Куприянова.

IV. Четвёртый текст по поводу

М. С.

даже не сомневался,
книгу когда раскрыл —
многоглавые стансы
друзьям нацелены в тыл;
главное коли молвить —
видишь впотьмах и сам:
вот ведь и так всё вот ведь
знают по небесам
парусное в фаворе
раннесентябрьских дат,
грозное грозное
соло былых солдат.

2 сентября 2015

Дальний Восток

Форзац: Степанова М. Три статьи по поводу. М.: Новое изд-во, 2015.

V

из всех двенадцати отошли дожди
небесная не замерзает больше
вода дугою за другою рощей
не ведающей верного пути

иди пока поможется идти
не слаще тайны и беды не горше
единый день дарован — что же боже
быть может сколько сон ни береги

хоть мал овал и ломкий голос пал
гремит всю ночь немолкнувший кимвал

свет-тьень накрыла контуром сетчатку
и сослепу как бабочка на свет
последним звуком затяжным и кратким
сморкает молкнет мокнет тонет нет

Фронтиспис: Ахмадулина Б. Струна. М: Сов. писатель, 1962.

Вагнер

I

громкие возгласы экипажа
гулкий коридор между скал
вагнер в последний и первый даже
голос голландца прослышал вал

там ли скользил и юлил запоем
произносимый и узкий звук
ихъваралляйн написав такое
райнер по-русски из самых рук

выпустил птиц и остался ведом
только услышавшему набат
спрятанный как бмв-трёхлеток
между двух строк объявлений дат

камня могильного невесомей
после тире не сказать куда
вагнер плывёт от саксонской соли
в прусскую горечь влечёт вода

II

мутно-густая седая тяжесть
копит заряд опустевших сил
твёрдою грудью герои вспашут
то что пошевелил баргузин

помнишь грозу мимо слов и суток
грех ради чёрных грубых отрад
рихард нах остен и кроме шуток
пресню военну заводит мрак

преизобильна битва беседа
меч на мече и за око зуб
только не выдай златая сента
немошный твой макферсон внизу

ниже твоих высот бездыханных
тёмные тучи грозу куют
белый уют перечёркнут сталью
соударения молний льют

вверх от земли сердцебиением
струи дождя от волны морской
падают ввысь вертикальным пленом
рихард и вой грозовой прибой

26 июля 2015
Томск – Москва

Метро «Аэропорт»

Мы поедem с тобою...

А. Е.

в поколеньe затворников полубомжей
умирать полагалось не позже шести
еле слышное бледная Инга Божé
в серых сборниках Резекне имя прости

я не помню зачем выживать не пришлось
и не знаю каким промышленьем твоим
получилось кому-то уйти тяжело
не на дно только в сторону ясно гори

там Нартай и Алёша Ирина а вон
снова Лёша единственный слесарь-еврей
и Наташа и Толя и Женя и стон
не пошёл по Руси сиротеющей тень

где по норам тяжёлым остались висеть
соловующих рож даровые жрецы
там сказал в семь утра метаморф на козе
ты прости что я поздно пришёл ты прости

говорили пять тридцать имели одно
поминанье о смерти в начале пути
только подразумевели не партия но
и не ленин не ленин но пелось в груди

кто упал и пропал те кто выжил враги
виноваты уж тем что хотелось другим
умирать в полшестого у чёрной реки
не жалея до берега плыть ни строки

не останется кроме таких что всегда
без оглядки на ранний подвольный уход
между нами тогда роковая черта
между ними сейчас ниже туч высоко

пораскинулись годы напрасные где
ни воды ни травы ни заветных седин
и не воин не поле один политех
продолжает дугой с евтушенкой брести

* * *

Кристалльной ясности уснувший час:
печенье, утонувшее в стакане
с остывшим чаем, спрашивает нас,
что нам сулит, незрим, неумолкаем,

последний миг перед туманом, но
ход вещи остановленной не легче,
чем смутно затихающие речи,
когда темно, светло, опять темно.

2 сентября 2015

Москва – Владивосток

* * *

Антиподы из тех времён,
что и оба на *-ский* не в потерю...
Как лицо наизнанку ни мерь,
в рост не вымерить давние тени;

порожденье тюрьмы и сурьмы,
вдох, не видный снаружи оттуда,
заразительный выдох зимы,
из-за гроз вынимаемый туго;

солнце пересечений густых —
ни один не был прав поминутно:
ни принявший эзопов язык,
ни искавший в сольфеджио мутном

воркутинскую сольвейг свою,
не запятнанную худлитом, —
и совписам, главлитам сокрытым
говоривший в бою аптую;

всерасслышный поличный андрей,
раздражительно лишний иосиф,
угрожающий гиперборей
полудневному шар перебросит:

вот гармония двух полусфер,
никогда не сходившихся в полный
рост — знакомый и дальний орфей,
быт плутонный и замок картонный.

6 декабря 2015
Москва — Нью-Йорк

СМС с облаков

вторая производная пути
литое ускорение полёта
с любого боку но не впереди
пилотов раскалённая работа

где турбулентный ветер навсегда
водоворот воздуховод пунктиры
катапультированная вода
застыла в тучах высоко над миром

и только здесь на связи без себя
но с полусферой в тесном обороте
так опустела без тебя земля
что боль как шмель тоскует о полёте

нащупать кольчатый упругий дар
шарообразный свод и вектор справа
есть европейская держава – та
что под полтавой славу залатала

трудов и дней а вот ещё гора
фаворский свет не гаснет мы на запад
в себе совпали с ночи до утра
прилёт и вылет в беспилотных залах

сигнал летит сквозь тесную плотву
подводных гад и содроганья неба
на старости я сызнава живу
ещё последнее сказанье слева

но подучи падучие слова
паучьей глухоты слышав тэги
нелепые родные горы реки
давно внизу почувствуешь едва

6 декабря 2015
Москва – Нью-Йорк

* * *

помощь что и требовалось оказать
промолчание необходимое для силы
повествование про заглядывание за
про эт контра пульсирующие пружины

из свободы выкованный застал
застывающий в вольный белый
стих кристалл там же сеятель борозда
до звезды пришёл и пустынный первый

дай ему в боли дух перевести
дыханье ровнее только ожил
сделал шаг в облаках и пасти
стадо своё окормлять как должно

* * *

И вот приходит — как всегда, опять
не второпях, но в стрóку лыко; ну
(в который раз шепну тебе) менять
на силу тела дело ни к чему

словесное; как водится у всех,
теперь незримое всё ближе ко двору:
в игру не входит больше боль утех
и розовое солнце поутру;

но снова сил пружина до души,
до крови молодой прямит слова,
а если дни и эти хороши —
и тьма —

тепла

умна

юна

жива.

Содержание

Вышел другим

«боже вот счастье-то здесь со мною...»	5
«Есть ли тут какая драма...»	6
Клейкие листочки	8
«князь по полю едет и душу раскрыл...»	9
«Так привычно немеет тело...»	10
«Лето взлетевшее будит мгновенно...»	11
«Мне нравятся твои колодцы...»	12
Смерть Вальтера Б.	13
«в реальность иную наука и жизнь...»	14
Черновцы. Игра в десятки	16
«сюжет охотника уйти пока цела...»	17
Благовещенье	18
«как прежде на их языке на своём языке...»	21
И. Л. Л.	22
«если б не умирали...»	25
«чем больше дано тем страшнее будет расстаться...»	26
«твёрдый как смерть июнь...»	27
«Что сделал в мире этот имярек...»	28
«наезжают каёмочками друг на друга...»	29
«жаль умерших погибшее зренье...»	30
Zauberberg	32
«Не пройдёт ни вкось ни вкривь ответ...»	33
«не сравнить тебя с другими...»	34
«И плач, ужаленный в слезу...»	35
«Кто кем кому когда? в который...»	36
«слишком много я...»	38
«сразу в яблочко разночинным...»	40
«Сей стихотворец не в силах услышать друг друга...»	41
«Адов скрежет зарёю корёжит туман...»	42

«Вышел другим из лёгкого метро...»	43
«вот казалось кажется навсегда...»	44
Зарницы	45
Иосиф	46

Воздушный бой

Молитва	49
Тильзит	50
«красивые пестовы строго...»	53
«двух станом не но в каждом сила...»	54
Выпуски новостей	56
История литературы	58
«междунесный прикровенный ад...»	61
«С номером нового мира в кафе...»	62
«Дольше вечернего света...»	63
Маргиналии	64
Вагнер	68
Метро «Аэропорт»	70
«Кристалльной ясности уснувший час...»	72
«Антиподы из тех времён...»	73
СМС с облаков	74
«помощь что и требовалось оказать...»	76
«И вот приходит — как всегда, опять...»	77

Дмитрий Бак. Дальний Орфей

возрастная категория 16+

редактор:
Александр Переверзин

дизайн:
Антон Чёрный

корректор, технический редактор:
Ольга Тузова

издательство «Воймега»
voymega@yandex.ru
alkonost.mail@gmail.com

Подписано в печать 5.08.2018.
Формат издания 60х90/16. Усл. печ. л. 5.
Тираж 500 экз.

ISBN 978-5-6040915-5-5

9 785604 091555

Дмитрий Бак родился в 1961 году в поселке (ныне город) Елизово на Камчатке. Жил на Украине, где окончил филологический факультет Черновицкого университета. Работал в Сибири (Кемеровский университет), с 1990 года живёт в Москве. Автор стихотворных подборок на русском и украинском языках, опубликованных в «Знамени», «Новом мире», «Арионе» и других изданиях. Переводил с украинского стихи Василя Стуса. Лауреат премии журнала «Новый мир». Автор сборника «Улики» (2011). Написал книгу эссе о современной поэзии «Сто поэтов начала столетия» (2015) — финалист конкурса «Книга года». Стихи переводились на румынский и литовский языки.

ISBN 978-5-6040915-5-5

9 785604 091555